

А.А.Галкин

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАСТРОЕНИЯ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ: НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ

Ключевые слова: общественное сознание, общественные настроения, политическое поведение

¹ Галкин А.А. 2013. Власть и политический капитал (Размышления на досуге) // Политика. № 4 [Galkin A.A. 2013. Vlast' i politicheskij kapital (Razmyshlenija na dosuge) // Politeia. № 4].

В предыдущей статье¹ в центре моих размышлений находилось общественное сознание как важнейший исходный посыл любого политического процесса. Нисколько не умаляя значимости этого феномена, следует учитывать, что он представляет собой своего рода теоретическую конструкцию, основанную на осмыслении и трактовке закономерностей становления и исторического развития групповых межличностных отношений. Говоря об общественном сознании, мы, как правило, имеем в виду многослойную, складывающуюся веками, иногда логично выстроенную, но чаще всего противоречивую пирамиду ценностных предпочтений, оценок и установок, свойственных множеству индивидов, принадлежащих к конкретным цивилизациям или нациям.

Непосредственно же при анализе политических реалий мы имеем дело с *общественными настроениями*, составляющими тончайший, поверхностный слой этого сознания. Они отражают его структуру, но не абсолютно и не прямо, а опосредованно, поскольку в высшей степени подвержены конъюнктурным воздействиям и быстро меняются, следуя переменам в объективной обстановке. Именно эти настроения и определяют *массовое политическое поведение* — стержень любого политического процесса, охватывающий собой совокупность всех форм участия и неучастия граждан в осуществлении власти либо в противодействии ей и предполагающий в одних случаях включенность в различные структуры политической системы, а в других — сознательную отстраненность от них, в том числе участие в деятельности неформальных организаций и в массовых движениях, а также публичную манифестацию своих взглядов и требований с целью повлиять на общественное мнение и позиции правящих кругов. Соответственно, одним из доступных и распространенных способов фиксации настроений выступают опросы общественного мнения как вербального их проявления. Сказанное позволяет понять, почему данная сфера исследований не только теоретически значима, но и служит практическим инструментом оценки и прогнозирования политического развития.

Рассмотрим же оба упомянутых феномена детальнее.

**Общественные
настроения**

Напрашивающееся деление общественных настроений (а значит, и политического поведения) в отношении власти и ее структур на позитивные и негативные является первичным и, стало быть, необходимым, но далеко не исчерпывающим. Каждый из этих подходов представляет собой сложную совокупность. Их внутреннее членение (а нередко и дробность) обусловлено как исходной неоднозначностью самого объекта, так и интенсивностью внешних для него процессов. Не следует упускать из виду и то, что в политическом поведении наличествует и такая специфическая форма, как конформизм, нередко предполагающий парадоксальное смешение негативных и позитивных оценок и способов реализации.

К числу главных, аксиоматических причин дробности позитивного и негативного отношения граждан к власти, ее структурам и действующим в них политическим силам, равно как и конформизма, на мой взгляд, относятся усложняющаяся структура современного общества, несовершенство сложившихся в нем механизмов власти, экономические потрясения и нарастающий разрыв между общественным сознанием и стремительными (а во многом даже бурными) переменами в условиях существования. Остановимся — пусть бегло — на этих причинах.

Выше уже шла речь о неполном совпадении понятий общественного сознания и общественных настроений. Но особенно очевидным различие между ними становится при быстрых переменях. В ходе этих перемен значительно повышаются присущая общественным настроениям нервозность, удельный вес негативных ориентаций, степень отторжения новаций, идеологическая ностальгия. Важную роль в стимулировании таких сдвигов играют резкие изменения в структуре производства, а следовательно, в социальной структуре, как правило протекающие в весьма болезненной форме.

Перемены, происходящие в последнее время в структуре сравнительно развитых обществ, кардинально отличаются от тех, что наметились и интенсивно реализовывались на протяжении прошлого столетия. Тогда они были связаны с возникновением ряда новых крупных социальных общностей, чье появление заметно влияло на сложившуюся совокупность жизненных интересов массовых категорий граждан, меняя доминирующую общественную атмосферу. Сегодня прежние крупные социальные общности (обычно именуемые классами) все очевиднее распадаются на автономные группы со своими специфическими интересами. Это создает новые конфликты и порождает новые потребности, что, естественно, отражается на динамике общественных настроений.

Наиболее остро эти перемены сказываются на настроениях подрастающих поколений. И так заметные различия между возрастными группами еще больше увеличиваются, поскольку определяются не только биологическими причинами, но и серьезными расхождениями в содержательных характеристиках и типах первичной социализации, а также в условиях существования.

Сказанное в полной мере относится и к России. Не всегда поспевая за изменениями, происходящими в мире, она тем не менее не составляет исключения. Более того, указанные процессы протекают в ней особенно выпукло.

Этому явно способствуют некоторые дополнительные обстоятельства. Во-первых, крайне болезненный по своим масштабам уровень социальной и материальной дифференциации, интенсивно разводящий социальные группы. Во-вторых, пережитые населением за сравнительно короткий срок тяжелые социально-экономические и политические потрясения, в результате чего различные возрастные категории подвергались особенно сильным разнонаправленным воздействиям плохо совместимых моделей социализации. В итоге дробность ценностных ориентаций и, соответственно, общественных настроений в России сегодня ощутимо выше, чем в странах с аналогичным или более высоким уровнем общественного развития.

Негативную роль при этом сыграли и очевидные изъяны политической системы. Сложившиеся в России властные институты, важнейшей задачей которых должно было бы стать снижение исторически обусловленного отчуждения от власти значительной части общества, многие годы не только не занимались ее решением, но и нередко действовали в противоположном направлении, тем самым способствуя наращиванию протестного потенциала. И главная причина этого заключалась не столько в личных качествах тех или иных руководителей, сколько в пороках модели управления страной.

Чтобы привести к желаемым позитивным результатам, политическая воля высшего руководства должна опираться на более или менее четкие представления о конечной цели. Общеизвестно, однако, что таких представлений у него нет и поныне. Известно также, что рациональная политика обязательно должна покоиться на знании исходной ситуации и адекватном представлении о возможных последствиях управленческих акций. Но подобного рода знание и тем более предвидение требуют наличия неискаженной обратной связи между верхами и низами. Понимание этого вроде бы есть. Тем не менее страна многие годы не располагала и все еще не располагает ничем даже отдаленно напоминающим таковую. В ней не преодолена ориентация на поддакивание начальству и «облизывание» занимающих более высокие позиции в иерархической структуре. Отрицательные последствия данного обстоятельства усугубляет крайне урезанный контроль общества над действиями власти.

Неприемлемо низка также эффективность управленческих механизмов — важнейшего структурного элемента любой политической системы. Принимаемые властью решения должны безоговорочно выполняться. Это своего рода аксиома. Без этого политический процесс превращается в говорильню либо приобретает хаотический, неуправляемый характер. У нас на протяжении ряда лет наблюдалось и то и другое. А все попытки «навести порядок», как правило, заканчивались ничем.

И дело опять же не только в том, что кто-то чего-то не умеет. Дело в линейной властной вертикали. Любая чрезмерно централизованная система, замкнутая на одного руководителя или небольшую группу лидеров, неизбежно приобретает все изъяны, которые характерны для сугубо авторитарных режимов и сводят на нет действительные или мнимые преимущества строго иерархической модели управления. Определенные попытки исправить положение предпринимаются. Однако существенных результатов от них ждать не приходится. Наша политическая система нуждается не в косметическом, а в капитальном ремонте. В противном случае наращивание в стране протестного потенциала станет необратимым.

Негативно сказываются на общественных настроениях и нынешние тенденции экономического развития. Стабильная, а тем более устойчиво развивающаяся экономика создает объективные условия для ослабления протестных настроений и действий путем расширения масштабов перераспределения общественного продукта. Значимость данного обстоятельства получила повсеместное подтверждение в ходе длительного исторического развития. На протяжении ряда лет нового столетия соответствующие условия существовали и в России. Это в какой-то степени избавляло власть имущих от такой динамики протестных настроений и действий, которая бы всерьез им угрожала. Однако, судя по всему, нынешняя экономическая ситуация объективно минимизирует эту возможность. Тем самым исчезает важный рычаг, до сих пор позволявший поддерживать относительную социальную и политическую стабильность. Параллельно возникает соблазн сэкономить убывающие ресурсы за счет сокращения жизненно важных социальных ассигнований. Пока власти встают на этот путь лишь частично. Но хватит ли у них сил, чтобы окончательно не выпустить из рук вожжи? И что произойдет в этом случае со стабильностью и общественными настроениями?

Взаимозависимость общественных настроений и политического поведения

Взаимозависимость общественных настроений и политического поведения — обстоятельство очевидное. Поэтому выше речь о них шла, так сказать, через запятую. Вместе с тем эта взаимозависимость далеко не абсолютна. Она обычно ослабевает и модифицируется под влиянием как привходящих обстоятельств, так и совокупности качеств, присущих такому сложному и специфическому феномену, как массовое поведение.

В зависимости от особенностей группового менталитета и позитивные, и негативные общественные настроения реализуются по-разному. Первые могут принимать форму как бурной, эмоционально окрашенной поддержки власти, так и спокойной, устойчивой готовности следовать ее предписаниям. Вторые в одних случаях проявляются в виде ориентации на смену власти, в том числе насильственными методами, в других — в виде отчуждения, причем не только от власти, но и ото всех общественных форм бытия.

Различны также типы конформизма. Нередко он выступает как разновидность привычного, традиционного политического поведения. Порождают его и слабая групповая организационная и ценностная сплоченность масс, отсутствие привлекательной альтернативы, умелое лавирование политического руководства страны.

Немалую роль в преобразовании настроений в политическое поведение играет уровень (градус) напряженности во взаимоотношениях власти и общества. Низкая напряженность минимизирует переход доминирующих общественных настроений, вне зависимости от их типа, в поведенческие акты, высокая — стимулирует этот процесс.

По уровню напряженности в этих взаимоотношениях Россия пока не перешла опасной красной черты. И это гарантирует ее от крайне нежелательных потрясений. Но только пока.

Немалое значение имеет также возникновение в обществе сплоченного авангарда, являющегося выразителем общественных настроений. Формирование такого авангарда и наличие у него деятельного ядра — залог высокой политической активности, и позитивной, и негативной. И наоборот: отсутствие сплоченного авангарда с деятельным ядром делает общество политически пассивным, какими бы ни были содержание утвердившихся в нем настроений и степень их обоснованности.

И в этом отношении российские власти пока находятся в безопасной зоне.

Существенным фактором, обуславливающим неполное совпадение общественных настроений и политического поведения, является феномен, обозначаемый в психологии как ограниченная рациональность. Массовые настроения при всех присущих им общих закономерностях в конечном счете представляют собой своеобразную сумму индивидуальных настроений. А они формируются под влиянием не только объективных интересов и устремлений, но и множества внешних, иногда случайных, а иногда, напротив, целенаправленных воздействий. Отсюда — весьма распространенный индивидуальный иррационализм, который нередко сказывается на настроениях и поведении целых общественных страт, делая их рационализм неполным, а то и выхолащивая его сущность.

То, что отмеченные выше обстоятельства в той или иной мере свойственны и России, не дает, однако, оснований игнорировать наличие у нее ряда специфических характеристик.

Многочисленные исследования убедительно свидетельствуют о неоднозначности русского национального характера, соединяющего в себе самые разные, а зачастую и противоречивые черты. В их числе терпеливость и нетерпимость, покорность и бунтарство, пассивность и взлеты крайней активности, нередко выходящей за рациональные рамки. Амбивалентность ментальности наглядно проявляется в отношении к институтам власти. Преклонение перед ними сочетается с нигилизмом, с восприятием их как силы, противостоящей и враждебной

индивиду и обществу. Разумеется, в различных группах общества и в зависимости от ситуации эти черты проявляются в различных сочетаниях. При всем том их удельный вес остается высоким.

Общепризнанно, что на протяжении долгого времени особенностью российского общественного сознания (а стало быть, и общественных настроений) была раздвоенность. Воздействие цивилизации, сложившейся в Западной Европе, на российское общество, возраставшее по мере модернизации России, размывало его специфику. Происходило это, однако, в основном на верхних ступенях социальной пирамиды. Верхи, в отличие от общества в целом, активно впитывали западноевропейские ценности, элементы образа жизни, типы общения, моды. В результате возник феномен расщепления общественного сознания, что, в свою очередь, в полной мере отразилось на общественных настроениях и поведенческих моделях. В одних случаях такое расщепление замедляет трансформацию общественных настроений в поведенческие акции, в других — ускоряет. А переход от используемой поведенческой модели к противоположной чреват серьезными потрясениями.

При оценке этих моделей в их нынешнем состоянии, а тем более в перспективе, нельзя не учитывать и воздействие на них современных достижений науки и техники. Особенно велика в этом плане роль интернета, уже утвердившегося в качестве одного из самых распространенных каналов массовых коммуникаций.

Во-первых, благодаря своей личностной направленности интернет постепенно превращается в наиболее эффективное средство манипулирования индивидуальным сознанием, а стало быть, и общественными настроениями и политическим поведением.

Во-вторых, он все чаще используется как действенный способ мобилизации и тех, кто склонен к протестной активности, и тех, кто решительно ее отвергает. Как следствие, возникла реальная возможность сублимации текущих политических несовпадений в массовое физическое противостояние различной степени интенсивности.

В-третьих, он объективно приобрел черты своеобразного источника информации о всех существующих формах агрессивного политического поведения, его инструментарии и методах.

В-четвертых, с появлением возможности (а тем самым — и дополнительного соблазна) использования потенциала интернета в интересах идеологической войны последняя перестает быть, как прежде, синонимом более или менее интенсивного, но в основном вспомогательного применения пропагандистского инструментария и все очевиднее превращается в главную форму наступательной стратегии так называемой «мягкой силы», позволяющей без существенных потерь добиваться поражения государства-соперника, минимизации его суверенитета, а значит, и реализации поставленных геополитических задач.

В последнее время в России получила хождение точка зрения, согласно которой для решения накопившихся в стране проблем необходимо внедрить в общественное сознание объединяющую «национальную

идею». Есть все основания оценить эту установку как явную иллюзию. Продолжающееся расщепление социальной структуры, о котором шла речь выше, неизбежно ведет к сохранению и даже нарастанию дифференциации интересов, настроений и поведенческих моделей. А это, со своей стороны, предполагает необходимость не поиска абстрактной общенациональной идеи, а целенаправленной ориентации на достижение общественных и политических компромиссов, приемлемых для групп, составляющих стержень общественного организма.

Политическое поведение

Политическое поведение как форма выражения отношения граждан к власти и ее институтам появилось на свет вместе с государством и эволюционировало параллельно его развитию. Первоначально выкристаллизовались два основных вида такого поведения: подчинение и бунт. Затем первое было дополнено приобщением к власти сначала крайне узкого, но со временем расширившегося круга наиболее влиятельных членов общества. В свою очередь второй приобрел дифференцированный характер благодаря появлению новых, более гибких способов демонстрации недовольства.

Сегодня мы, естественно, имеем дело с иными, преобразованными типами политического поведения. Подчинение власти (политическим институтам), не потеряв до конца силового начала, зиждется главным образом пусть на не всегда полном, но доверии (или хотя бы терпимом отношении) к ней. Круг приобщенных к власти расширился (во всяком случае формально и в наиболее развитых странах) до всего взрослого населения. Появились многочисленные новые каналы выражения политического недовольства. Тем не менее некоторые рудименты первоначального политического поведения прослеживаются и сегодня.

Его главной легитимной формой по сей день слывет электоральный процесс. Для этого есть немало оснований. Многие миллионы людей в самых разных странах воспринимают этот процесс как вполне нормальный способ приобщения населения к принятию политических решений. К тому же ему до сих пор не найдено сколько-нибудь приемлемой альтернативы.

В исследовательском плане электоральный процесс как форма политического поведения рассмотрен и проанализирован достаточно детально. Соответственно, выявлены и его механизмы. Тем не менее, следуя логике изложения, нелишне еще раз на них остановиться.

Обычно при анализе действия этих механизмов вычленяют четыре группы факторов: *социологические* (обусловленные набором социальных и демографических характеристик — социальным и профессиональным статусом, образовательным уровнем, местом проживания, возрастом, полом и т.д.), *ситуационные* (отражающие реакцию избирателей на конкретное положение дел в обществе, что, в свою очередь, неразрывно связано с предварительно сложившимися политическими ориентациями как самого индивида, так и наиболее

авторитетных для него референтных групп), *манипулятивные* (представляющие собой следствие обработки индивида и его непосредственного окружения с помощью современных избирательных технологий) и *индивидуально-психологические* (являющиеся производными от устойчиво-характерологических черт индивидуальной психики). Очевидно, что в исследовательской работе данное членение может быть результативно использовано лишь в том случае, если будет в полной мере учтена сложность и противоречивость влияния перечисленных факторов в разных обществах и при разных условиях.

Удельный вес и значимость этих факторов существенно варьируют. Действие социологической группы факторов особенно ощутимо в тех случаях, когда общество должным образом структурировано и составляющие его слои в полной мере осознают свои групповые интересы. Ситуационные факторы играют наиболее заметную роль в обществах с не полностью устоявшимся политическим поведением, когда чисто внешние, часто второстепенные обстоятельства могут внезапно изменить электоральный выбор. Эффективность мероприятий манипулятивного толка в решающей степени зависит от опыта, накопленного населением, степени его доверия к инструментам манипулирования (средствам массовых коммуникаций), изощренности стратегии и тактики использующих эти инструменты политических сил и множества других обстоятельств.

Индивидуально-психологические параметры поведения изучены пока недостаточно, вследствие чего манипулятивное воздействие нередко порождает не совсем те (или совсем не те) реакции, на которые рассчитывал манипулятор.

В содержательном плане электоральное политическое поведение, естественно, многообразно и различается не только по объекту выбора, но и по характеру эмоционального отношения к самому этому акту, который может рассматриваться и как возможность реализовать индивидуальные политические установки, и как выполнение гражданского долга, и как некий традиционный ритуал.

Существуют также формы электорального поведения, придающие ему принципиально иной политический смысл. Наиболее распространенная из них — протестное голосование. Его отличие от обычного электорального акта заключается в том, что участие в избирательном процессе в этом случае воспринимается исключительно как способ выразить резко негативное отношение к тому, что происходит в данный момент в обществе. В ситуациях, когда подобный подход приобретает форму выбора, последний носит случайный характер, и избирательный бюллетень обычно подается за ту политическую силу или деятеля, которые в глазах избирателя в наибольшей степени ассоциируются с неприятием происходящего.

Формой индивидуального протестного электорального поведения является также неучастие в избирательном процессе. Укрупняя, воздерживающихся от голосования можно подразделить на три основные

группы. Первую составляют лица, не принимающие участие в выборах по объективным причинам (физическое недомогание, внезапная болезнь или какие-то другие конъюнктурные обстоятельства). Вторую образуют те, кто, будучи удовлетворен ситуацией, сложившейся в обществе, и не ожидая серьезных перемен, считает для себя излишним посещение избирательного участка. Наконец, в третью входят индивиды, крайне негативно относящиеся к существующим порядкам, которые либо не верят в возможность с помощью избирательных бюллетеней внести коррективы в проводимую политику, либо рассматривают отказ от голосования как разновидность политического действия. Именно эту категорию не участвующих в избирательном процессе можно с полным основанием квалифицировать как протестную (в специальной литературе ее обычно именуют абсентеистской).

Первая группа, охватывающая в среднем до 15% имеющих право голоса, прослеживается практически во всех странах, где регулярный избирательный процесс не подвергается сознательным искажениям. Вторая наиболее весомо представлена в государствах со сравнительно стабильными общественными устоями. Третья считается типичной для обществ, переживающих серьезные политические потрясения.

Именно на описанных выше представлениях и базируется сложившаяся система методических и технических приемов, нацеленных на определение особенностей и динамики электорального политического поведения.

В центр исследования обычно ставится анализ избирательного корпуса — его социальной и демографической структуры, уровня его биологического и социального обновления, дифференциации по ценностным установкам и политическим ориентациям на протяжении как короткого, так и сравнительно длительного периода. При этом используются три основных подхода: *статистический*, позволяющий зафиксировать объективное изменение избирательного корпуса как возрастной и гендерной совокупности; *стратификационный*, трактующий избирательный корпус как совокупность социальных групп и предполагающий рассмотрение каждой группы как целостной системы, имеющей свою внутреннюю структуру; и *политический*, в рамках которого членение избирательного корпуса производится в зависимости от сложившейся структуры политических предпочтений.

Большое значение в подобных исследованиях придается сравнительному анализу электорального политического поведения за максимально возможный срок. Сопоставляя результаты электорального выбора как по избирательному корпусу в целом, так и применительно к выделенным по различным критериям группам, можно получить данные, позволяющие судить о конкретных сдвигах в общественных настроениях и поведении и, что особенно важно, о причинах этих сдвигов в каждом отдельном случае. Той же цели служит сопоставление электоральной и социально-экономической статистики. На его основе можно установить связь между изменениями в социально-стратификационной

структуре общества и электоральным поведением соответствующих групп, а также проследить влияние меняющихся условий жизни на политический и электоральный выбор.

Богатый исследовательский материал дает сама электоральная статистика. Как правило, при ее интерпретации используются следующие технические приемы:

- измерение отклонений от пропорционального распределения. Такие отклонения, как региональные, так и временные, обычно обуславливаются действием неких специфических факторов, осмысление которых помогает установить причины происходящего;
- выявление неочевидных взаимосвязей с помощью корреляционного анализа. Если факторы, воздействующие на электоральное поведение, поддаются количественному определению, между ними и электоральной динамикой могут быть зафиксированы корреляционные связи. В ряде случаев это способствует получению новых аналитических данных;
- установление иерархии факторов. Хотя эта задача выходит за рамки электоральных исследований, относясь к сфере политологии в целом, ее решение открывает некоторые дополнительные возможности для осмысления изучаемых процессов;
- выделение типичных избирательных округов и участков. Структурная неравномерность избирательного корпуса позволяет выделять районы, которые могут рассматриваться как типичные по какому-то признаку (преобладание той или иной социальной, национальной либо конфессиональной группы и т.д.). Разумеется, полностью однородных округов и участков не бывает. Однако, выявив и математически «очистив» наиболее типичные единицы, вполне возможно тем самым сконструировать «идеальные» модели. При совпадении данных, получаемых в результате вычленения серии однотипных моделей, зафиксированные показатели электорального поведения соответствующей группы с определенными оговорками могут быть экстраполированы на страну в целом.

Важным источником информации являются также социологические опросы. Если они «чисты» и репрезентативны, то дают обильный материал как о социально-экономической обусловленности конкретных электоральных действий, так и о причинах различных отклонений. Сложную методическую проблему составляет при этом «стыковка» такого материала с данными электоральной статистики. Поскольку последняя фиксирует непосредственную реальность (состоявшееся электоральное действие), опирается на единую базу и обеспечивает более длинные статистические ряды, ее следует рассматривать как основополагающую. Результаты опросов как бы накладываются на электоральную статистику в целях детализации, уточнения и проверки данных. Вместе с тем приходится учитывать, что вербальное поведение (отражаемое в опросах) нередко отличается от фактического — особенно в странах с длительным недемократическим прошлым.

Сказанное выше крайне важно не только само по себе, но еще и потому, что, отдав должное накопленному научному багажу, нельзя не констатировать, что при всей его значимости в нем не в полной мере учтены особенности нынешнего электорального поведения, не говоря уже о политическом поведении в целом. Такое положение вещей обусловлено двумя основными причинами.

Во-первых, все описанные методические подходы и выводы с самого начала были ориентированы на идеальную модель. Но такая модель если и встречается, то очень редко. Ее реальные воплощения изначально страдали от множества «родимых пятен». Не случайно по ходу дела они не раз подвергались корректировке. Тем не менее избавиться их от изъянов удавалось лишь частично.

Во-вторых, глубокие изменения во всех сферах жизни, произошедшие за истекшие столетия и особенно в конце XX — начале XXI в., поставили эту модель перед вызовами, исчерпывающие ответы на которые до сих пор не найдены.

Остановлюсь на этом подробнее.

Практика показала, что электоральный процесс ввиду его высокой организационной сложности, значимости, конфликта интересов и сопутствующего эмоционального накала плохо защищен от сознательных искажений. Способы, используемые в этих целях, многообразны. Иногда искажения приобретают такие масштабы, что лишают участие в выборах какого бы то ни было смысла. Чтобы не допускать их, приходится тратить немало сил и средств.

Но, даже выведя эту специфическую сторону проблемы за скобки, сложившейся электоральной системе можно предъявить впечатляющий список претензий. Напомню о некоторых из них, наиболее очевидных.

1. Выборы в органы законодательной власти, в том числе в те, что принимают политические решения государственного значения, обычно происходят раз в 4—5 лет. Таким образом, одноразовый политический акт автоматически превращается в передачу небольшой группе порою не очень известных обществу лиц права на протяжении длительного срока по сути бесконтрольно распоряжаться судьбами миллионов доверившихся им граждан. Это особенно остро ощущается сейчас, когда быстротекущее время наполнено событиями практически до предела, а экономическая и социальная политика власть имущих порождает постоянное недовольство массовых групп граждан. Неоднократные попытки минимизировать упомянутую бесконтрольность очевидных результатов пока не дали.

2. В ходе длительного исторического развития функции государства существенно расширились, распространившись на всю совокупность не только политических, но и экономических, социальных и культурных процессов. Соответственно, неимоверно вырос набор проблем, подлежащих решению на общегосударственном уровне. Но нынешние высшие законодательные органы, будучи чисто политическими структурами, на это не рассчитаны. Представленные там избранные не

могут быть компетентными во всех сферах. Разобраться в происходящем во многих из них способны лишь специалисты-эксперты. Отсюда — падение качества решений, принимаемых по «непрофильным» (неполитическим) вопросам.

3. Во многих случаях электоральный процесс, в том числе на общегосударственном уровне, стал приобретать характер рыночного акта, в рамках которого ориентированные на политическую карьеру представители элиты, конкурируя друг с другом, предлагают широкой публике (избирателям) свой товар — набор всевозможных обещаний. Соответственно, сам процесс голосования начал трактоваться как покупка избирателями совокупности политических услуг.

При этом всячески маскируется немаловажное различие между обычным актом купли-продажи и политическим процессом. На обычном рынке продается главным образом реальный товар, который можно оценить, опробовать или хотя бы пощупать. Кроме того, в государствах с нормальной хозяйственной системой, как правило, действуют контрольные структуры, призванные обеспечивать законность протекания товарообмена и не допускать обмана потребителей в ходе рыночной купли-продажи. А при электоральном процессе, низведенном до уровня базара, «продавцу политических услуг» ничего не стоит без особого труда получить дивиденды, подсунув покупателю-избирателю откровенную пустышку.

Немалую роль в данном случае играет и следующее психологическое явление. Продав свой «товар» (обещание), политический избранник, следуя логике рыночных отношений, нередко чувствует себя не доверенным лицом, представляющим интересы тех, кто отдал за него голос, но владельцем приобретенной синекуры, свободным от каких бы то ни было обязательств.

4. Длительный опыт участия элитных групп в избирательном процессе постепенно превратил его в объект своеобразной «науки» манипулирования электоральным политическим поведением («черных» технологий). По мере совершенствования технических средств воздействия на настроения и поведение граждан эффективность этой «науки», немалая уже в самом начале, непрерывно возрастала, достигнув к настоящему времени такого уровня, что действительно свободное волеизъявление на выборах все чаще воспринимается не как правило, а скорее как исключение. Более того, активное участие в электоральном процессе сейчас требует настолько высоких материальных затрат, что его могут позволить себе лишь очень богатые люди — либо те, кого не без корысти спонсируют финансово мощные структуры и их владельцы.

Отмеченные выше феномены проявляются в разных странах в различной мере и в несхожих вариантах. Однако как наметившаяся тенденция они фиксируются повсеместно. И в России не в меньшей (а то и в большей) степени, чем в других близких к ней по уровню развития странах.

Учитывая это, не приходится удивляться тому, что вопрос о кардинальном совершенствовании системы, призванном обеспечить должное представительство интересов общества при осуществлении властных функций, занимает все более заметное место и в политических, и в научных дискуссиях.

Что можно тут сделать — предмет особого разговора. К нему, быть может, удастся вернуться в дальнейшем. В рамках же заявленной темы важнее поразмышлять о том, как изъяны нынешней электоральной системы влияют на политическое поведение граждан, каковы наметившиеся здесь тенденции, а следовательно, и перспективы.

Естественная реакция населения на негативный электоральный опыт — разочарование. Его масштабы в разных регионах и странах различны. Это определяется рядом обстоятельств: уровнем укорененности конкретной электоральной системы, степенью стабильности (нестабильности) соответствующего общественного организма, градусом напряженности между институтами власти и обществом, наличием или отсутствием блокирующих массовое недовольство материальных «прокладок» и множеством других факторов. Тем не менее рост неудовлетворенности рассмотренной выше моделью как общая, нарастающая тенденция очевиден.

Проявляется она в разных формах. Наиболее непосредственной из них является осознанное отчуждение от избирательного процесса, прежде всего абсентеизм, о котором, хотя и бегло, уже шла речь выше.

Усиление популярности этой формы политического поведения происходит почти повсеместно. Колебания в показателях, фиксируемые время от времени в разных странах, отражают, как правило, влияние совокупности текущих событий и не меняют главной направленности процесса. Известно, например, что в России неучастие в выборах трети и даже половины избирателей не исключение. Но и в странах, слывущих плотом демократии, оно немногим меньше.

Но дело не только в цифрах. Повсеместно изменился сам состав тех, кто воздерживается от участия в электоральном процессе. Раньше от него уклонялись главным образом изначально пассивные, малообразованные, нередко маргинальные группы. Они поступают так и теперь, но их доля в населении относительно развитых стран заметно сократилась. Вместе с тем в настоящее время электоральный процесс во все большей степени игнорируют широко представленные в соответствующих обществах категории деятельных и просвещенных граждан. Это дает достаточные основания констатировать формирование и накопление в сфере политического отчуждения принципиально нового «поведенческого капитала».

Абсентеисты издавна слыли потенциальным электоральным резервом в случае кризисных ситуаций. История знает немало примеров того, как не очень влиятельным политическим группам удавалось, используя обстановку, которую создал кризис, и подобрав подход (лозунг), способный привести в движение абсентеистскую массу, коренным

образом изменить в свою пользу расстановку сил в выборных институтах власти и государстве в целом. Но тогда речь шла о мобилизации политически непросвещенной, неопытной массы. Теперь же, при качественном изменении содержательных характеристик, установок и ценностных ориентаций основной части абсентеистов, их внезапная мобилизация не только более вероятна, но и чревата совсем иными последствиями, чем прежде.

Другим сравнительно распространенным проявлением прогрессирующего отчуждения от традиционного электорального процесса выступает позиция граждан, не вставших на путь абсентеизма, но, тем не менее, сделавших для себя вывод, что участие в избирательных процедурах вряд ли будет способствовать общественным сдвигам, объективная необходимость которых очевидна.

Сублимация этой позиции в поведение реализуется в нескольких вариантах. Первый — равнодушное следование принятым в обществе политическим процедурам при отсутствии сколько-нибудь значимого интереса к тому, что происходит в этой сфере. Нередко такую позицию характеризуют как пассивную, конформистскую, свидетельствующую об ущербности и пробелах в социализации тех, кто ее занимает. Но это справедливо лишь по отношению к части рассматриваемой категории граждан. Многие из них весьма активны во всех других сферах жизни, в том числе общественной. Просто по ряду вполне реальных причин им неинтересны политические процессы, в которых они не видят особого смысла. Иными словами, им свойственна ситуационная политическая индифферентность.

Списывать этих граждан со счета при оценке предполагаемых текущих и перспективных событий, мягко говоря, неразумно. Вполне возможно (а при некоторых обстоятельствах даже неизбежно) возникновение ситуаций, способных незамедлительно возродить утраченный ими интерес к актуальным политическим проблемам. А тогда они могут стать не только участниками нестандартных политических событий, но и движущей силой их хода и свершений.

Второе распространенное следствие этой формы отчуждения от электорального процесса — амбивалентность (многовекторность) политического поведения. В ее основе лежит представление, что электоральный процесс может дать приемлемые результаты лишь в том случае, если будет скорректирован и дополнен неэлекторальными формами политических действий.

Роль такой амбивалентности всегда была значительной. Но сейчас она, судя по всему, все чаще становится доминирующей. И реализуется она главным образом через расширение активности некоммерческих общественных организаций и гражданских институтов по контролю над действиями политической власти. Ту же функцию выполняют и разнообразные формы прямого политического протеста как способа воздействия на позиции власти.

Можно вновь возразить, что некоторые из этих форм далеко не новы. Разумеется, это так. Но столь частыми, повсеместными, массовыми и эффективными они стали по историческим меркам сравнительно недавно. И есть все основания считать, что их действенность будет возрастать.

Затормозить этот процесс может лишь существенная трансформация официальных политических институтов, повышение их открытости по отношению к обществу, наращивание способности учитывать его интересы и потребности и, конечно, решительное избавление действующей электоральной системы от присущих ей изъянов, в том числе тех, о которых говорилось выше.

Пока этого не произошло, значение для общества неэлекторальной политической активности может оцениваться двояко. Бесспорно, что она очень полезна, ибо создает эффективный противовес бюрократическому окостенению властных структур, способствует решению назревших экономических, социальных и иных общественных проблем, снижает уровень напряженности в отношениях между властью и населением. Но все это, естественно, предполагает осознание сторонами жизненной необходимости достижения согласия, наличие у них готовности слышать друг друга, идти на компромиссы и строго следовать нормам закона.

Несоблюдение этих предпосылок чревато возникновением конфликтов, выводящих стороны за пределы легального поля. В случае появления более или менее серьезных противоречий институты власти нередко поддаются соблазну вставать в разговор с оппонентами на позиции силы. В свою очередь, последние начинают нарушать границы обоснованного протестного поведения, в итоге открывая дорогу тем, кто стремится к развязыванию конфликтов, влекущих за собой угрозу не только власти, но и обществу в целом.

* * *

Представленный выше анализ не претендует на исчерпывающую характеристику всей совокупности сложных и противоречивых процессов, происходящих в сознании, настроениях и политическом поведении наших современников — граждан сравнительно развитых стран европейского ареала, и прежде всего России. За пределами рассмотрения остались некоторые существенные сегменты исследуемой проблемы. Их осмысление потребует от автора дополнительных размышлений. Но и то, что уже было сказано, заслуживает, на мой взгляд, внимания и должно быть взято на заметку.